

УДК 342.72
DOI 10.21685/2307-9525-2021-9-2-15

Р. Р. Кильдеев

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

СБОР ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА В РЕШЕНИЯХ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются общие проблемы, возникающие при регулировании сбора информации о частной жизни лица, а также их разрешение в решениях высших судебных инстанциях – Верховном Суде Российской Федерации и Конституционном Суде Российской Федерации. Показана зависимость социальных аспектов деятельности граждан от доступа к различным базам данных. Подчеркивается изменение общей концепции обеспечения неприкосновенности частной жизни. Показано формирование основной правовой базы, посвященной регулированию информационных отношений и сбора персональных данных. В то же время правоприменительная практика исходит из специального толкования отдельных положений судебными органами. Обращено особое внимание на Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. №3-П, в котором изложены правовые позиции относительно сбора персональных данных.

Ключевые слова: сбор, распространение, частная жизнь, неприкосновенность, Конституционный Суд России, судебная практика.

R. R. Kil'deev

Penza State University, Penza, the Russian Federation

THE GATHERING INFORMATION ABOUT THE PRIVATE LIFE OF A PERSON IN THE DECISIONS OF THE HIGHEST JUDICIAL AUTHORITIES IN RUSSIA

Abstract. The article analyses the general problems that arise when regulating the collection of information about a person's private life, as well as their resolution in decisions of the highest courts - the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation. The dependence of the social aspects of citizens' activities on access to various databases is shown. The change in the general concept of privacy is highlighted. The formation of the main legal framework dedicated to the regulation of information relations and the collection of personal data is shown. At the same time, law enforcement practice proceeds from a special interpretation of certain provisions by the judicial authorities. Particular attention is paid to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 18, 2000 no. 3-P, which sets out the legal positions regarding the collection of personal data.

Key words: gathering, distribution, private life, inviolability, the Constitutional Court of Russia, judicial practice.

Современный человек всё больше становится зависимым от цифровых технологий. Проникновение их в каждую сторону частной жизни гражданина, с одной стороны, упрощает социальную жизнь (позволяя производить удалённый доступ к различным сервисам), формирует новые коммуникационные навыки, но, с другой стороны, делает нас более уязвимыми. Введение персональных данных в круг информационного обмена позволяет их использовать в противоправных целях. Можно наблюдать, как расширяется объём мошеннических действий в кибер-пространстве. В криминологии появилось такое явление как кража электронной личности, когда с помощью персональных данных другого человека создаются

ложные аккаунты, благодаря которым совершаются различные действия от имени первоначального обладателя. При этом сам гражданин может долгое время и не догадываться, что под его именем происходят какие-то значимые события. Сейчас это можно наблюдать при кибербуллинге (насилие, оскорбления, травля в интернет-пространстве), когда создаются фальшивые страницы в социальных сетях с указанием ложных персональных данных (полученных, как правило, при их краже), от имени которых совершаются противоправные действия. Данная проблема только-только получает свои первые исследования.

Статья 23 Конституции России закрепляет право каждого на неприкосновенность частной и семейной жизни. Это базовое право, предусмотренное большинством международно-правовых актов в области прав человека. Первоначальное содержание данного права складывалось из требований оставить человека в покое. Многие учёные связывали основные действия с реализацией права на уединение [1]. Действительно, отсутствие технических возможностей тотального контроля за каждым социальным актом каждого гражданина указывало на то, что право на неприкосновенность частной жизни рассматривалось как негативное право. Его основной элемент – невмешательство, вытекавшее из первичного понятия неприкосновенности. Сейчас человек поставлен в такие условия, когда возможность получения той или иной услуги (включая государственные и муниципальные) связано с совершением действий в интернете, что влечёт за собой оставление цифрового следа. К тому же широкое распространение социальных сетей привело к тому, что сами граждане раскрывают значительный объём чувствительной информации о самих себе. Достаточно обратиться к содержанию любой страницы в таких социальных сетях, как Фейсбук, Твиттер, Инстаграмм, чтобы представить о её владельце определённое мнение. Для того чтобы осуществить сбор первичной информации о человеке, достаточно просмотреть его профили.

Статья 24 Конституции РФ предусматривает основы сбора персональной информации, где общее требование заключается в том, что любое её использование и распространение допускается только с согласия самого гражданина. Часть 2 ст. 24 закрепляет обязанность органов публичной власти предоставлять гражданам информацию о них самих.

Ключевым нормативным актом, развивающим конституционные положения в заявленной сфере, следует считать Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Именно этот правовой документ раскрывает основные положения информационного обмена между различными субъектами, устанавливает правовой режим различных институтов информационного права, определяет права и обязанности субъектов соответствующих правоотношений. В его развитие принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». На этом правотворчество не останавливается. Несмотря на то, что законодатель чаще всего идёт по пути внесения изменений и дополнений в указанные законы, определённой новеллой можно считать Федеральный закон от 8 июня 2020 г. №168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Федеральный регистр ещё будет формироваться в нашей стране. В него предполагается включить ряд следующих сведений и идентификаторов, среди которых:

- фамилия, имя и отчество (при наличии) и в случае их изменения иные фамилия, имя и отчество (при наличии);
- дата рождения;
- дата смерти;
- идентификаторы записи акта о рождении;
- идентификаторы документа, удостоверяющего личность физического лица, включая вид, номер и иные сведения о таком документе.

Перечень достаточно объёмный и позволяет ввести серьёзный контроль за ключевыми персональными данными каждого гражданина. Это привело к критике как самой концепции федерального закона, так и его отдельных положений. Так, В. М. Кукушкин задаёт риторический вопрос: «Насколько, учитывая систематические проблемы, возникающие в практике с сохранением в тайне персональных данных, финансовой информации, получится обеспечить сохранность такого огромного массива данных?» [2]. При этом автор подчёркивает, что одними мерами уголовно-правовой политики вряд ли можно решить саму проблему, где главное направление совершенствования правотворческой политики должно строиться в построении специальной защищённости данных.

На отсутствие «сформированной единой цифровой среды доверия» указывают П. П. Кабытов и О. Е. Стародубова [3]. Е. А. Васянина связывает введение в действие Федерального закона «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» с возможной социальной напряжённостью, что обусловлено отсутствием достаточного числа правовых актов, обеспечивающих «безопасность личности и общества при применении информационных технологий и обороте цифровых данных» [4].

В то же время высказываются и положительные оценки закона, где основной упор делается на получение дополнительных возможностей, упрощение доступа к различным социальным услугам. Например, В. Н. Доманов и В. В. Доманов видят перспективы в развитии нотариальных услуг, в оказании реальной помощи населению при защите их прав и законных интересов [5].

В. Г. Романовский указывает на расширение возможностей правоохранительных органов, особенно при раскрытии и предупреждении преступлений террористической направленности [6]. В этой части необходимо подчеркнуть, что систематизация даже общих данных о гражданине способствует раскрытию самых сложных преступлений, поскольку основывается на общих элементах профилирования возможной личности преступника. Специальная выборка по возрасту, дате рождения, вероятных данных о документе, удостоверяющем личность, заметно сужает границы поиска. Подобная выверка отработана во многих странах мира, показав положительный опыт в правоохранительной деятельности.

При всей ясности федеральных законов значительное место в уяснении смысла занимают правовые позиции, изложенные в решениях судебных органов. Как отмечает, например, А. Балдынова: «В настоящее время количество данных гражданина, которые потенциально по смыслу закона можно признать персональными, только растёт, усложняются правоотношения между субъектами персональных данных и операторами, в связи с этим представляется важным проанализировать наиболее сложные, касающиеся персональных данных вопросы, возникающие в судебной практике» [7].

Приведем некоторые примеры. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г., уточняется – из конституционных положений «не вытекает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы и позволяющую реализовать право знать свое происхождение (происхождение своих родителей), не подлежит осуществлению. Напротив, его ограничения, предусматриваемые федеральным законом в конституционно значимых целях, не должны приводить к исключению самой возможности осуществления данного права».

Тем самым Верховный Суд РФ подчеркнул исключительность тайны усыновления. Кстати, в указанном решении предметом рассмотрения выступала генетическая информация, к которой правовой режим в России до конца не сформирован, что создает серьёзные трудности в правоприменительной практике [8]. Не совсем ясно, подлежит ли генетическая информация такой же защите, как и любая другая информация, имеющая отношение к гражданину. Данный вопрос

далеко не праздный, поскольку может затрагивать права нерождённого человека, тем самым исключая сам механизм возможной государственной защиты. Обостряется данная проблема при осуществлении пренатальной диагностики. Получается, что сам обладатель (в силу своего положения) генетической информации не может выразить своего мнения по поводу сбора данных о его ДНК. Функцию согласия выполняют его законные представители. В то же время полученная информация, относясь к наиболее чувствительной, будет находиться в соответствующем банке данных всё последующее время. Уже в зрелом возрасте человек, имея личное мнение о допустимости сбора информации о его ДНК, не сможет препятствовать тому, что информация уже размещена в соответствующем накопителе. В Российской Федерации отсутствует правовая основа уничтожения таких данных по требованию носителя ДНК.

В российском семейном праве тайна усыновления выступает определённой гарантией для соблюдения прав детей, оставшихся без попечения родителей и впоследствии нашедших свою вторую семью. Однако зарубежный опыт показывает, что во многих европейских странах практикуется открытое усыновление, когда столь значимый юридический факт открыто обсуждается и не скрывается [9]. Зарубежная доктрина исходит из того, что тем самым происходит нейтрализация возможных угроз, которым может подвергаться усыновлённый, не знающий истинности своего происхождения [10]. В российской научной литературе также неоднократно указывалось, что знакомство с таким фактом в более позднем возрасте может вызвать стресс с далеко идущими последствиями [11].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. №3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» высказана широкая позиция относительно того, что следует понимать под информацией, имеющей особый правовой режим ввиду её принадлежности к персональным данным. В Постановлении подчёркивается: «Любая затрагивающая права и свободы гражданина информация (за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью) должна быть ему доступна, при условии, что законодателем не предусмотрен специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность её особой защиты». Такой подход сохранен в ряде иных решений Конституционного Суда РФ, а именно:

– Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. №173-О «По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»;

– Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 г. №317-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ламбина Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Налогового кодекса Российской Федерации»;

– Определение Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. №365-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 125 и 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и другие.

Приведенная практика Конституционного Суда России позволила сформулировать общий вывод: «Основания для ограничения указанных прав могут устанавливаться законом только в качестве исключения из общего дозволения (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) и должны быть связаны именно с содержанием информации, поскольку иначе они не были бы адекватны конституционно признаваемым целям» [12].

В своём Определении от 9 июня 2005 г. №248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд России представил общее определение частной жизни, сославшись на возможность сбора персональных данных при наличии ряда оснований. Обращает внимание, что заявители пытались уточнить правовые позиции, выделенные органом конституционного контроля. Результатом стало Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2007 г. № 172-О-О «По ходатайству гражданина Захаркина Валерия Алексеевича об устранении неточности в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года №248-О».

Д. Ю. Яковлев справедливо отмечает необходимость уточнения пределов гласности при осуществлении правосудия, указывая на многие пробелы в процессуальном праве [13]. Ф. Г. Хуснутдинов обращает внимание, что в условиях развития цифровой экономики расширяется зависимость граждан от доступа к определённым сервисам, увеличивается значение различных баз данных, что повышает вопрос о поиске баланса публичных и частных интересов [14].

А. В. Чаплинский провел благодаря такой расширенной практике связь права на информацию с правом на судебную защиту: «Таким образом, право на информацию выступает в качестве одной из основных гарантий права каждого на судебную защиту. В его содержание входит возможность доступа к информации об условиях и порядке обращения в суд, о судебном разбирательстве и о сущности судебного решения, вынесенного по заявлению о нарушении прав» [15].

Такой подход вряд ли можно считать удачным, поскольку право на судебную защиту – самостоятельное право, имеющее своё содержание и структуру.

А. М. Цалиев дополняет, что гарантии информационного обмена выступают основанием рациональной организации публичной власти [16]. Но и этот тезис не стоит признать удачным, поскольку организация публичной власти в любом контексте должна осуществляться с соблюдением требований Основ конституционного строя, где соблюдение прав и свобод (а значит, предусмотренных ст. 24 Конституции РФ) – обязанность государства.

Таким образом, систематизируем выводы. Статья 24 Конституции РФ предусматривает важные общие правила юридических действий с информацией, имеющей непосредственное отношение к гражданину. В настоящее время основные нормативные акты приняты. Совершенствование правовой базы происходит по мере необходимости и возникновения новых значимых проблем, вытекающих из распространения новых угроз в информационном мире. В то же время ряд аспектов (например, режим генетической информации) нуждается в специальном регулировании. Судебная практика расширяет границы защиты информационных прав граждан, но она не может решить все задачи, которые ставятся перед отечественными парламентариями все сильнее и сильнее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни в конституциях, законе и юридической науке / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2016. — № 4. — С. 15–27.
2. Кукушкин В. М. Некоторые дискуссионные вопросы правового регулирования цифровой экономики в России (часть 1) / В. М. Кукушкин // Предпринимательское право. — 2020. — № 4. — С. 25–33.
3. Кабытов П. П. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти / П. П. Кабытов, О. Е. Стародубова // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 113–126.

4. Васянина Е. А. Государственное управление финансовым механизмом: новые подходы к реализации в условиях цифровой экономики / Е. А. Васянина // Финансовое право. — 2020. — № 11. — С. 3–6.
5. Доманов В. Н. Повышение активной роли нотариусов в производстве по наследственным делам: проблемы, пути решения, перспективы / В. Н. Доманов, В. В. Доманов // Наследственное право. — 2020. — № 3. — С. 8–13.
6. Романовский В. Г. Профилирование террористов и конституционная защита прав человека / В. Г. Романовский // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 10. — С. 46–50.
7. Балдынова А. Персональные данные / А. Балдынова // Административное право. — 2020. — № 4. — С. 23–27.
8. Романовская О. В. Генетическое консультирование в семейном праве / О. В. Романовская // Гражданин и право. — 2014. — № 12. — С. 71–80.
9. Иванова Т. А. Институт международного усыновления: общая характеристика, правовое регулирование / Т. А. Иванова // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 4. — С. 11–14.
10. Тетерина Т. В. Условия усыновления детей в Российской Федерации: отдельные аспекты / Т. В. Тетерина // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 4. — С. 22–25.
11. Романовский Г. Б. Насцитурус в семейно-правовых отношениях и современная биомедицина / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская // Семейное и жилищное право. — 2013. — № 6. — С. 23–27.
12. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов, Д. Р. Алимова, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. Москва : ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. — 176 с.
13. Яковлев Д. Ю. Пределы гласности судопроизводства (записки криминолога) / Д. Ю. Яковлев // Российский судья. — 2020. — № 7. — С. 54–59.
14. Хуснутдинов Ф. Г. Судебный конституционный контроль в условиях цифровизации экономики / Ф. Г. Хуснутдинов // Российский судья. — 2019. — № 8. — С. 36–39.
15. Чаплинский А. В. Содержание конституционного права на информацию в сфере судебной власти / А. В. Чаплинский // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 8. — С. 68–71.
16. Цалиев А. М. Информационные и организационно-воспитательные меры обеспечения гарантии прав и свобод личности / А. М. Цалиев // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 41–45.

REFERENCES

1. Romanovskii G. B. The Right to Privacy in Constitutions, Law and Legal Science. *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law*, 2016, no. 4, pp. 15–27 (in Russian).
2. Kukushkin V. M. Some Discussion Issues of Legal Regulation on the Digital Economy in Russia (part 1). *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*, 2020, no. 4, pp. 25–33 (in Russian).
3. Kabytov P. P., Starodubova O. E. The Impact of Digitalization on the Implementation of the Executive Authorities' Powers. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 113–126 (in Russian).
4. Vasianina E. L. State Management of the Financial Mechanism: New Approaches to the Implementation in the Digital Economy Conditions. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2020, no. 11, pp. 3–6 (in Russian).
5. Domanov V. N., Domanov V. V. Increase in the Active Role of Notaries in Inheritance Proceeding: Issues, Solutions, Prospects. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2020, no. 3, pp. 8–13.
6. Romanovskii V. G. Terrorist Profiling and Constitutional Protection of Human Rights. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 10, pp. 46–50 (in Russian).
7. Baldynova A. Personal Data. *Administrativnoe pravo = Administrative Law*, 2020, no. 4, pp. 23–27 (in Russian).
8. Romanovskaia O. V. Genetic consultation in family law. *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law*, 2014, no. 12, pp. 71–80 (in Russian).

9. Ivanova T. A. The Institute of International Adoption: General Features, Legal Regulation. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2019, no. 4, pp. 11-14 (in Russian).

10. Teterina T. V. Conditions of Child Adoption in the Russian Federation: Separate Aspects. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2017, no. 4, pp. 22-25 (in Russian).

11. Romanovskii G. B., Romanovskaia O. V. Nastsiturus in family legal relations and modern biomedicine. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2013, no. 6, pp. 23-27 (in Russian).

12. Alimov E. V., Alimova D. R., Gadzhiev Kh. I. and others; Lazarev V. V., Gadzhiev Kh. I. (ed.) *Zashchita dannyykh: nauchno-prakticheskii kommentarii k sudebnoi praktike* [Data Protection: Scientific and Practical Commentary on Jurisprudence]. Moscow, ООО «IURIDICHESKAIa FIRMA KONTRAKT» Publ., 2020, 176 p.

13. Iakovlev D. Iu. Limits of the Publicity of Judicial Proceedings (Criminologist's Notes). *Rossiiskii sud'ia = Russian Judge*, 2020, no. 7, pp. 54-59 (in Russian).

14. Khusnutdinov F. G. Court Constitutional Control in the Setting of Economy Digitalization. *Rossiiskii sud'ia = Russian Judge*, 2019, no. 8, pp. 36-39 (in Russian).

15. Chaplinskii A. V. Limits of the Publicity of Judicial Proceeding (Criminologist's Notes). *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 8, pp. 68-71 (in Russian).

16. Tsaliev A. M. Informational, Organizational and Educational Means of Securing Guarantees of Rights and Freedoms of Individuals. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 10, pp. 41-45 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кильдеев Рифат Расимович — аспирант юридического института Пензенского государственного университета, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: rif-kildeev@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kil'deev Rifat R. — Post-graduate student, Institute of Law, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: rif-kildeev@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кильдеев Р. Р. Сбор информации о частной жизни лица в решениях высших судебных органов России / Р. Р. Кильдеев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2021. — Т. 9, № 2 (34). — С. 134–140. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-15.

FOR CITATION

Kil'deev R. R. The Gathering Information about the Private Life of a Person in the Decisions of the Highest Judicial Authorities in Russia. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 134-140, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-15. (In Russian).